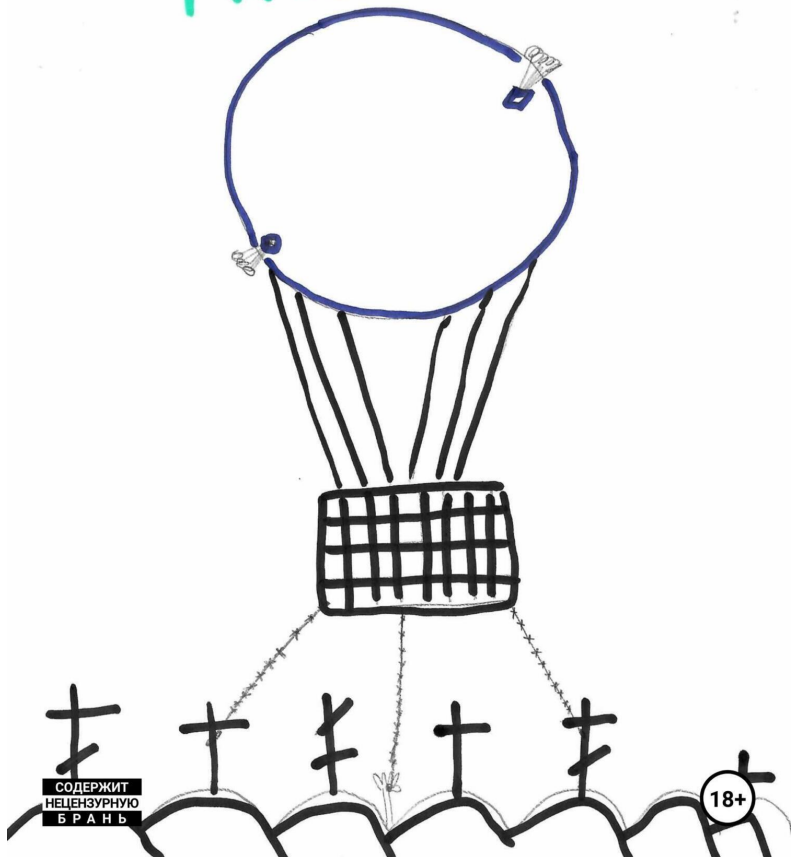

ТИМОФЕЙ ДЫМОВ

РАШЕН-2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тимофей Дымов

Рашен-2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69175405
SelfPub; 2023*

Аннотация

Не зная прошлого, трудно построить СВОЕ настоящее и невозможно заглянуть в будущее.

Тимофей Дымов

Рашен-2

Глава 1. В новом мире

Сколько проспал, я не помню. Счастливые часов не наблюдают. А сейчас я был весьма счастлив. Еще бы! Послать на хер высшее руководство города со всей их фашистской требухой и после этого остаться в живых. А потом фантастическим образом вырваться из вонючих морозных лап Сибирейской тайги и оказаться на шелковых простынях в объятьях женщины неземной красоты и солидной должности. Это даже не рядовое везение, а промысел божий.

И вообще последние три недели с полной уверенностью можно назвать медовым месяцем. Я остался жить у Марии, или просто Машки, как я ее ласково называл. Выяснилось, что она служит большим начальником в СС. СС – это социальная служба, отвечающая за контроль над личным благосостоянием граждан Руси. Например, если кто-то начал жить не по средствам и покупал себе второй телевизор или личный автомобиль (не будучи руководителем хотя бы среднего звена), его тут же «цап-царап» и направляли на специальные курсы. А уж там бравые молодцы выбивали тягу к мещанству, на практике показывая: если сверчок не знает свой шесток, то этот шесток может легко оказаться в заднице сверчка.

Социальная Служба не только контролировала траты каждого русиянца, но и сама устанавливала уровень допустимых доходов (читай: уровень жизни). Специально для этих целей была разработана шкала «социальной нужности». Мне даже удалось подсмотреть этот документ, когда однажды, придя с работы, Мария небрежно бросила портфель на диван и из него выпали несколько бумаг. Шкала социальной нужности представляла собой таблицу, в которой в одном столбце были перечислены необходимые качества, во втором проставлены проценты, в третьем оговорены условия начисления. Выглядело это так:

№ п/п

Социальное качество

Процент влияния на совокупный доход

Обязательное условие для начисления процента

1.

Любовь и уважение к русиянским вождям

51%

любое крамольное слово или текст, грязный намек, дурная мысль навсегда обнуляют показатель

2.

Желание уничтожить инакомыслящих

25%

обязательное личное участие в актах уничтожения

3.

Неприятие точки зрения, отличной от русианской

15%

обязательное личное участие в актах осуждения

4.

Желание пожертвовать собой ради русианских идеалов

5%

начисляется только после смерти

5.

Любовь и уважение к людям, лояльным к русианской вла-

сти

2%

показатель обнуляется навсегда, если русианец вовремя не распознал, что вчерашний друг стал врагом

6.

Желание повысить свой социальный статус

1%

показатель несущественный

7.

Желание быть полезным своей стране

1%

показатель несущественный

Со временем разъяснилась и история с магической фотографией, которая привела в трепет надзирателей в Сибирейской тайге, что в итоге спасло мне жизнь. Оказалось, что на ней был запечатлен внучатый племянник одного из великих вождей Руси, к счастью, уже умершего. А я как две капли воды был на него похож. Этим стечением обстоятельств и воспользовалась хитрая Машка, понимавшая, что иначе меня с кичи не выдернуть.

Определенный риск быть уличенным в обмане, конечно, существовал. Поэтому ей пришлось раздобыть тощую папку с копией личного дела мажора и заставить меня заучить его от корки до корки. Слава Богу, именитый отпрыск успел в своей жизни немного: родился, учился, напился... и выпал за борт прогулочной яхты во время очередной кокаиновой вечеринки в Черном море. Там его и потеряли. И вот теперь, по прошествии нескольких лет, он якобы воскрес – в моем облике.

Муштра оказалась не напрасной. Меня несколько раз вызывали на допросы в разные карательные ведомства и досконально расспрашивали о фактах биографии. Но, похоже, все, что касалось великих вождей, было засекречено даже от самих секретных служб. Поэтому вопросы офицеров не выходили за рамки того самого пресловутого личного дела. А

если кто-то из фашистов все же начинал упорствовать в попытке докопаться до истины, то я отвечал с каменной рожей: «Эта информация секретная и находится в Центральном архиве русиянских вождей. Есть желание – ищите там сами». Тут же лица следователей покрывались испариной, руки начинали трястись в такт зубам, и они предпочитали как можно быстрее закончить разговор.

Кстати, и этому трюку меня тоже научила моя девушка. Она рассказала, что доступ к Центральному архиву есть всего у трех человек в государстве. И пока кто-то из них не умрет, новичков не допустят в святая святых русиянского фашизма. Число три оставалось неизменным при любой погоде. Выборы нового хранителя по традиции проводились на похоронах прежнего.

Однажды один руководитель высшего звена усомнился в правильности подобной практики и предложил расширить состав архивариусов до пяти-семи человек. Совет вождей его внимательно выслушал, похвалил за инициативу – и вынес решение. Чиновнику отрезали руки до локтей и ноги до колен. После чего прибили к спине столешницу из толстого прозрачного стекла и в виде мебели выставили перед зданием Совета. Пока бедолага не издох, каждый желающий мог бросить на стол записку с обращением к великим вождям. Оттого так и боялись фашисты, облеченные властью, любого упоминания о Центральном архиве русиянских вождей.

В конце концов меня даже свозили в дом «Охранения ис-

торической памяти» – пансионат для престарелых, выживших из ума руководителей страны и их приближенных. Там подвели к полуживому старику в инвалидном кресле, с кислородным баллоном за спиной. Он часто, глубоко вдыхал чистый газ и блаженно улыбался. Это был один из бывших секретарей «моего» деда, который при жизни общался «со мной». Когда я представился, он на минуту ожил, бросил на меня оценивающий взгляд и грозно спросил: «Вам назначено?»

– Конечно! Меня ждут, – отчеканил я первое, что пришло в голову.

– Это он! – сказал старик сопровождавшему меня офицеру и снова впал в кислородный экстаз.

– Поздравляю, Алексис Петцев (такое имя я унаследовал от мажора), вы успешно прошли все проверки и подтвердили свое благородное происхождение.

– Просим прощения за причиненные неудобства, но истина дороже спокойствия, – извинились два генерала в парадной форме, вручив мне на выходе новенький паспорт. Их опухшие рожи светились от восторга, а когда они пожимали мне, воскресшему небожителю, руку, один вояка даже пустил скупую слезу.

– Конечно, конечно, все понимаю, – снисходительно похлопал я его по плечу. – Служба есть служба, но обед никто не отменял, так ведь?

– Пулей! – хором проорали генералы водителю черного

лимузина. И вот я уже мчусь к самому шикарному ресторану города. А генералы, глотая выхлопные газы, от резко стартовавшей машины, продолжают улыбаться и махать мне вслед.

С этого момента жизнь заиграла новыми красками. Абсурд и идиотизм превратились в рай земной с полной программой почитания и раболепия всегда и везде, начиная от булочной и заканчивая Департаментом выселения и заселения. В этой милой организации меня незамедлительно поставили в очередь на отдельную квартиру и обещали выделить жилплощадь максимум через месяц.

– К сожалей, новый дома практически не строится, а арест, допросы и отправка в Сибирейскую тайгу социально ненадежных личностей требуют времени. Поэтому освобождение квартир от этих тварей происходит не так быстро, как бы нам хотел, – извинялся передо мной плешивый чиновник в засаленном костюме. – Но, уверяй, дайте нам тридцать дня, и сможете праздновать новосел.

– Надеюсь, вы не обманете моих ожиданий. А то, сами понимаете, может получиться так, что я въеду в квартиру, освобожденную после вас, – пошутил я.

Распределенец побледнел, стал судорожно вытирать пот со лба и нервно моргать.

– Шучу! Жду вас с ордером ровно через месяц, – гордо вскинув голову, я вышел из кабинета, смердящего потом и газами, втихую пущенными испуганным до полусмерти чиновником.

Честно говоря, я бы подождал и два, и три месяца, и даже год. Очень уж не хотелось съезжать из уютной норки Марии. Но она мне объяснила, что по законам России проживать вместе могут только женатые пары или несовершеннолетние дети с родителями. В нашем же случае, принимая во внимание мой статус и чудесное «воскрешение», недельный гостевой срок продлили до двух месяцев. А дальше – либо в загс, либо разбежались по своим углам.

Жениться никто из нас не горел желанием, хотя нам было хорошо вместе, поэтому решили переселить меня в отдельную берлогу куда-нибудь неподалеку.

Ну, а пока я наслаждался всеми благами полного государственного обеспечения: ходил в рестораны, засмотрел до дыр немногочисленные патриотические фильмы в местных кинотеатрах, просто валялся дома на диване перед телевизором и даже посетил несколько храмов. Особенно мне запомнился один – «Во имя убивающих врагов наших. Храм воскрешения из мертвых ради правды среди живых» бело-снежный собор с огромным темно-зеленым куполом. Я просто не мог пройти мимо монументальной постройки со столь замысловатым названием.

На входе меня встретили два автоматчика. Проверили паспорт, отдали честь и гостеприимно распахнули высоченные деревянные двери. Я ожидал, что сразу окунусь в полумрак и воздух, пропитанный испарениями восковых свечей. Не тут-то было. Храм оглашали бодрые военные марши.

Вместо свечей воздух коптили гильзы от артиллерийских снарядов, наполненные, судя по источаемому смраду, отработанным машинным маслом. На месте алтаря на полу лежал большой крест, фигурно выложенный из цинковых гробов. Из перекрестия выбивалось пламя Вечного огня. Привычных икон не было. Стены были увешаны портретами генералов и маршалов в полный рост. Парадные мундиры под тяжестью многочисленных орденов визуально грозили обрушить картины. Рядом с этими «образами красовались золотые таблички с биографическими данными и перечислением прижизненных подвигов.

Я собрался прочесть одну из них, но меня прервал сошедший с небес, а точнее молниеносно спустившийся по канату из-под громадного купола настоятель храма. Его прыти позавидовали бы многие спецназовцы. Охрана на входе явно предупредила священника о визите высокого гостя, поэтому он предстал передо мной в парадном облачении. Альпинистская обвязка, замызганный бронежилет, надетый поверх рясы, стоптанные кирзовые сапоги и защитная каска с облупившейся краской – таков был его вид.

– Здравствуйте, здравствуйте, очень рады! Весьма признательны за визит в наше скромное заведение, – залезбил он, не переставая отвешивать поклоны, отчего каска постоянно сползала ему на нос, закрывая глаза.

– Чем я могу Вам помочь? Может быть, устроить благодарственный молебен в Вашу честь? Или отслужить недель-

ную панихиду по Вашему великому деду?

– Не стоит, – властным жестом руки остановил я его. – Просто хотел посмотреть, что находится внутри храма и откуда у него такое чудное название. А кстати, почему вы в бронежилете и каске?

– Конечно, конечно, я проведу для Вас подробнейшую экскурсию, чего только пожелаете. Я в полной экипировке потому, что денно и нощно нахожусь на службе у Господа. А ему нужны подготовленные воины во всеоружии.

Только сейчас я заметил, что на балкончике, откуда на меня прыгнул батюшка, стоит прислоненная к стене винтовка с оптическим прицелом, а рядом лежат несколько запасных обойм и кучка гранат.

Хорошо, что его предупредили обо мне, а то, не дай Бог, начал бы шмалять без разбора, а потом еще гранаткой для верности... – порадовался я.

– Погодите, а как же всепрощение врагам своим и любовь к ближнему своему? Ведь, кажется, про это говорил Христос ученикам?

– Так то к своим. А боремся мы исключительно с чужими, – пояснил поп. – Свои подлежат перевоспитанию, в крайнем случае гуманной утилизации. А вот с чужаками у нас разговор короткий – пулю в лоб или мину под задницу!

– И как, позвольте спросить, вы отличаете чужих от своих? У вас что, есть какой-то хитрый прибор или особая святая вода?

– Здесь особой хитрости не требуется. Чужой себя всегда выдаст: или взглядом косым, или речами заумными. А самый проверенный способ такой: чужак, даже если он имел честь родиться среди нас, вечно всем недоволен. То ему зарплата не хватает, то квартира у него слишком маленькая или улицы плохо метут, а во власти сидят сплошь дураки да воры. Только и успеваешь, что деньги в чужих карманах считать и хулу на руководство страны наводить.

– А если это не хула, а объективная критика? – не согласился я. – Бывает же так, что человек работал всю жизнь на заводе. Честно вкалывал на благо страны, а под старость вынужден копейки считать и экономить на всем.

– Значит, плохо вкалывал! – перебил меня военизированный поп. – Что заслужил, то и получил. Власти Руси, с Божьей помощью, никогда не ошибаются. А живет плохо – значит, человек поганый, потому как добрый мирянин, пребывая в вечном смирении, уже тем счастлив, что на него, букашку грешную, работает целое государство. Думает о нем, заботится, ночей не спит.

– Так это прямая обязанность властей. Иначе кому нужно государство, которое не заботится о своих гражданах?

– Как же не заботится? – вытянулось лицо священника. – Да всё в Руси пропитано заботой о простых гражданах: начиная от тотального контроля и повсеместной цензуры, защищающих наш разум от сатанинской проповеди Запада и заканчивая принудительным трудом в Сибирейской тайге,

спасающим тела от праздности и лени.

– У вас для этого в храме снайперская винтовка припрятана? Тоже для заботы о ближнем? – съязвил я.

– Точно так. Не далее, как неделю тому назад на проповеди во имя наступления в Европе адских холодов, которые заморозили бы содомских выродков и шайтанистов, пришел один умник. Начал сбивать паству с праведного пути рассказами, что за пределами Руси тоже есть хорошие люди. Нельзя, говорит, всех мазать черной краской и мерить единым мериллом. Все мы, люди, созданы по образу и подобию Божиему. У каждой твари на земле есть шанс для счастливой жизни, даже если он мужеложец или демократ, прости Господи.

В общем, пришлось пристрелить собаку бешеную, чтобы все стадо не испортил, – закончил служитель культа. – Только он, сволочь, напоследок разлетевшимися мозгами верующим одежду испачкал. Да что тут говорить: поганый человек – он и после смерти останется поганцем...

– Строго у вас тут, не забалуешь, – мне уже порядком наскучила беседа. Тем более, что я завершил осмотр небогатого убранства храма. – А что с названием? Вы мне так и не разъяснили, что оно означает.

– Это очень просто. «Во имя убивающих врагов наших» – значит, что храм построен в честь воинов, ведущих ожесточенные бои с мировым злом. «Храм воскрешения из мертвых ради правды среди живых» говорит о том, что русиян-

цы готовы отказаться от рая на том Свете ради того, чтобы вернуться в наш бранный мир и продолжить борьбу с шайтанистами.

– Шайтанисты – какой забавный термин!

– Это религиозный термин. Объединяет такие понятия, как «шайтаны» и «сатанисты». Придуман для удобства одновременного восприятия мусульманами и христианами.

А вообще, – протянул мне на прощанье руку священник у выхода из храма, —каждый русиянец должен понимать, что вся власть об Бога. Руководители, усопшие и ныне живущие, это его заместники на Земле. И какие бы решения они не принимали, даже если на первый взгляд те кажутся неверными, по сути есть глас Божий. И повиноваться им с радостью в сердце, без ропота и сожаления – наш долг и наша судьба.

Вот в таких «забавах» русиянского режима я и проводил свободное время. Сегодня же мне предстояло особое приключение. Шустрая Мария договорилась с одним знакомым, который служил в Городском аналитическом центре, об ознакомительной экскурсии.

– Сходи, тебе будь польза! – ласковым голосом приказала она. – Там рабатать чудики, похожий на тебя. Надеюсь, выговоришься на сто лет вперед и перестанешь докучать мне своей антирусиян философией. А то я твой бубнеж чуть на работе не повторять. Вот фокуса устроился бы – Мария Штраус социальная отклонёнка!

Она даже попросила одного из своих подчиненных сопро-

водить меня и обеспечить проход в секретное учреждение.

Признаюсь, что с трудом дождался прихода провожатого – щуплого юноши по имени Клаус и фамилии Носовсон. Так сильно заинтриговала меня возможность знакомства с главными аналитиками Руси. «Уж эти-то brave парни смогут наконец пролить свет на творящийся вокруг мрак абсурда» – надеялся я.

Глава 2. Секретный объект

Мы вышли из дома и не спеша направились в сторону Городского аналитического центра. Погода стояла прекрасная, я был несказанно рад, что вырвался из цепких лап Сибирейской тайги, и как ребенок жаждал новых приключений пусть и в сумасшедшем, но местами симпатичном параллельном мире.

– Я обратил внимание, что по городу всюду развешаны плакаты с фотографиями героев. Что это? Разве Русия с кем-то ведет войну?

– Это такой специальный акция по героизации нашего сегодня...

– Но это хотя бы реальные люди? – удивился я.

– Вполне себе, – подтвердил Клаус. – И подвиги их натуральный, хоть и немного приукрасить.

Я остановился у одного из плакатов и стал читать. Под фотографией brave молодца в военной форме и с автоматом красивым шрифтом было выведено: «Сержант Николас

Ивановман, командир роты разведчиков Управления немедленного реагирования в катастрофических ситуациях. Выполняя боевую задачу по недопущению надругательства над русскими ценностями со стороны зарубежных содомитов и вырожденков, проявил крайнюю степень упорства и нечеловеческого мужества. В результате его действий в целях недопущения сдачи врагу были сожжены три деревни со всеми жителями, скотом и сельхозтехникой».

– Странный какой-то подвиг, – искренне удивился я. – Уничтожил людей, имущества на миллионы и стал героем.

– Ничего странного, – ответил Клаус. – Лучше уж так, чем все это доставаться врагу. Пусть знай суки, что русские и снег зимой с собой забрать, если это потребуется. С врагом у нас разговор короткий. Кто к нам с мечом пришел, тот от голода и холода сдохнет, как собачка на мороз.

– Но погоди, – возразил я, дочитав текст до конца. – Сержант Ивановман воевал не на территории России, а где-то в далеких южных странах. Получается, что враг к нам и не приходил.

– Не приходил, значит прийти бы. Просто мы работ на опережение, – спокойным голосом увещевал меня подчиненный Марии. По его хладнокровию было заметно, что Клауса проинструктировали насчет меня и категорически запретили перечить наглому представителю золотой молодежи.

– Поймите, господин Петцев, русский мир – он не имеет границ. Для нас не существовать понятий «где-то там,

далеко». Мы стоим на стража скрепоносных принцип во весь мир. Иначе нельзя. Стоит расслабиться, например, где-нибудь в Колумбии или Ирак, и тут же орды извращенцев поимеют нас в самой груба форме. Поэтому надо быть во всеоружии всегда и везде, даже в Антарктид.

– А вы точно уверены, что нас все хотят поиметь? – в который раз подивился я бараньему упрямству местного населения.

– Посмотрите телевизор, послушать радио, если не хватат информации. И тогда вам сразу станет яснее, кто друга, а кто врага, – подытожил Клаус и одернул меня за рукав, поскольку мы уже пришли.

Городской аналитический центр располагался в здании обычной районной поликлиники – в меру запущенной и без любви ремонтируемой. Ряды стариков и старушек, сидящих в длинных коридорах на дерматиновых скамеечках в ожидании чудесного элексира от участкового терапевта, который вновь сделает их молодыми и здоровыми, явно не вязались с режимом повышенной секретности.

У центрального входа нас встретил заместитель главного врача, невысокий полноватый мужчина с бегающим глазами. Я много раз встречал подобных типажей и даже придумал для них шуточную характеристику: такие люди либо ищут, что им украсть, либо уже украли и теперь волнуются, как бы сохранить добычу и не попасться. И все это из-за постоянного виноватого выражения лица, контрастирующего с

дерзким, нервозным взглядом.

– Крюгер Хвостовинг, – протянул он нам в нижайшем поклоне пухлую, вялую ладошку. – Проси вас, господа, следой за мноу.

Мы прошли через первый этаж, прорываясь сквозь гул обывательских разговоров завсегдатаев лечебного заведения:

– Не спорьте со мной! Я двадцать лет мажусь этой мазью! – на повышенных тонах вещала сухонькая бабулька в сиреновом вязаном берете.

– Да хоть пятьдесят. Дерьмо полное, – отмахнулся от нее плотный старик в заношенном костюме, явно военный пенсионер.

– Не могут по телевизору дерьмо рекламировать! – пришла на помощь «намазанной» соседка. – Я собственными глазами видела, как один известный актер ее хвалил.

– Мази, таблетки... Сколько можно себя гробить? – ни к кому не обращаясь, изрек представитель «молодого» поколения лет пятидесяти. – Природа сама дает нам лекарство от всех болезней: солнце, воздух, физкультура и никакого мяса. Не стоит травить организм трупятиной. Тогда будете здоровы до ста лет.

– Какого хера ты тогда здесь сидишь, место в очереди занимаешь? – разом обернулись к нему пенсионеры, забыв про конфликт. – Иди, рожу под лучи подставь, воды из лужи попей да лопухом закуси. Уже не молодой, а такой дурной, ей

Богу.

– Да, потеряли мы молодежь, – запричитала очередь. – Вот раньше как жили: не стреляют на улицах – уже хорошо. Не прилетела ночью в твой дом бомба самолетная, значит, любит тебя Боженька. Кашку на воде сваришь, корочкой черствой закусишь, вот и пообедали. А уж щи с мясом только по праздникам видали. Зато дружные были, ни зависти, ни злобы. А нынче что? Выучили вас охламонов на свою голову. Телевизор в каждой квартире поставили. В школе принудительный труд после уроков отменили. Даже летние трудовые лагеря в Сибирейской тайге для детей душевыми с теплой водой оборудовали. Нет же, им все мало, постоянно нас учить норовят. Неблагодарные...

Мы подошли к небольшой лестнице, спустились на два пролета и остановились перед обшарпанной дверью с вывеской «Пункт приема анализов».

Крюгер открыл дверь и жестом пригласил нас в небольшую комнату. Ничего, кроме стеклянных столиков, заставленных банками с мочой и спичечными коробками (очевидно, с калом), прикрытыми бумажками с данными «доноров», здесь не было. Однако мужчина уверенно подошел к одному из столов, положил руку на самую наполненную банку и повернул ее вокруг оси. Одна из стен бесшумно отъехала вверх, обнажив находящуюся за ней блестящую металлическую дверь с массивными заклепками по контуру. Из всей фурнитуры на двери присутствовал лишь небольшой смот-

ровой глазок.

На мгновение в глазке блеснул свет и тут же исчез, очевидно, «потушенный» глазом смотрящего.

– Открывай, свой тута же! – отчеканил Хвостовинг и для верности пару раз стукнул кулаком по металлу.

Почти бесшумно сработал замковый механизм, и дверь отъехала в сторону.

– На сегодня никтож не записан. Что приперлись? – «приветствовал» нас с порога солдат с автоматом.

– Поговорить мне тута, Жива в Сибирейскую тайгу уедешь, уроды охранять! – заткнул его Крюгер. – Старшего звать! Бегом!

Я же во время этого «выстраивания» вертикали власти не мог оторваться от огромного плаката, занимавшего одну из стен центра. «Сила Руси в алгоритмах!» —безапелляционно утверждал заляпанный краской и испачканный птичьим пометом баннер.

Откуда в суперсекретном бункере птицы, спросите вы? Все очень просто —аналитический центр накрывала двухскатная стеклянная крыша. Большие квадраты были в трещинах, заклеенных изолентой, а местами так и вовсе без стекол. Вместе с дождем и ветром сюда проникали пронеры голуби и бесстрашные воробьи.

Городской аналитический центр возглавлял высокий черноволосый мужчина лет сорока. По виду он напоминал узника концлагеря, только упитанного. Умное, изможденное ли-

цо и грустный взгляд, выдавали в нем человека несчастного, отбывающего на этом Свете повинность за преступление, которого он не совершал.

– Здравствуйте, я Сергиус Мишинг, – поприветствовал он нас. – Мне уже звонили из управления СС и приказали провести экскурсию для уважаемого Алексиса Петцева. Это вы, я полагаю?

– Правильно полагаете, – ответил я, не сводя глаз с чистого неба над головой.

Хвостовинг отдал честь и спиной вперед попятился к выходу, якобы по неотложным делам. Клаус предпочел остаться у двери и принялся трепаться с охранником.

– Пойдемте, не будем терять времени, – поторопил Сергиус.

– Зачем вам стеклянная крыша? А вдруг враги с воздуха разглядят великие секреты Руси?

– По мнению строителей, это была весьма здравая идея. Дело в том, что наши вычислительные машины потребляют чудовищное количество электричества. Поэтому городские энергетические службы ненавидят нас всеми фибрами души. А стеклянная крыша, по крайней мере, позволяет существенно экономить на освещении.

– Да ладно... Чтобы у каких-то коммунальчиков поднялась рука на спец учреждение? – не поверил я.

– Не знаю, что у них там поднялось, но уровень жизни в городе существенно снизился. Дело в том, что каждому на-

селенному пункту на территории Руси отпущен определенный ежемесячный лимит воды, тепла и электрической энергии. И если жители его превышают, то до начала нового месяца будут сидеть немые, в холоде или темноте, как в нашем случае.

– Какая дикость! И это в стране с богатейшими запасами нефти, газа и прочих полезных ископаемых. Лимит на электричество в XXI веке – как до этого вообще можно было додуматься? – разошелся я, забыв про осторожность.

– Не дикость, а рачительное управление и забота о будущем страны, – парировал господин Мишинг.

– Нефть и газ – наши кормильцы. От их экспорта зависит благополучие каждого россиянина. На вырученные средства закупаем продовольствие, технику, одежду и много чего еще. И в этой ситуации лучше посидеть пару дней без света, чем остаться без трусов или хлеба.

– Согласен, – кивнул я. – «Забывая болт» на собственное производство, государство обрекает себя на вечные рыночные отношения купли-продай. И хорошо, если продают, да еще по адекватным ценам. А как перестанут? Встанут в позу, пойдут на принцип... Нельзя же постоянно зависеть от милости других, хотя бы в вопросах пропитания и одежды!

– Сегодня мы живем в условиях труднопрогнозируемой стабильности, – без энтузиазма пояснил Сергиус. – То есть все понимают, что в общем-то неплохо. Только никто не может точно предсказать, в какой момент это «неплохо» пре-

вратится в «ужасно». Вон, буквально на той неделе, содомиты из Китая решили запретить ввоз в Россию электронных микросхем и запасных частей для принтеров. Теперь мы не можем работать в нормальном режиме, а больше молимся, чтобы, не дай Бог, в компьютерах ничего не вышло из строя. Заменить-то будет нечем!

И действительно, только сейчас я заметил, что большинство рабочих мест у компьютеров были свободными, отчего огромный зал аналитического центра казался почти необитаемым.

– И как сказываются на вашей работе вынужденные простои? – поинтересовался я.

– Человек не блоха – ко всему привыкает, – пожал плечами Сергиус. – Поначалу было непросто: то свет вырубят на самом «интересном» месте так, что даже сохраняться не успевали, то дефицит запчастей или бумаги образуется. Но потом, с внедрением системы «Активная память», работать стало гораздо легче.

– «Активная память»? Очередной шедевр русианской мысли?

– Безусловно, – не понял сарказма Мицинг. – Это просто гениальная система, заключающаяся в том, что теперь архивы чистятся с завидным постоянством. Главная установка – народ не должен знать своих корней. Людями, которые не гордятся, и уж тем более не стыдятся поступков своих предков, гораздо проще управлять. Общественному стаду просто

не с чем сравнивать, поэтому они будут принимать ЛЮБОЕ настоящее за самое лучшее и единственно возможное. Надо лишь постоянно напоминать, какое проклятое прошлое было до них.

– Какие возмутительные, крамольные речи! Хорошо, что офицеры из Департамента морального контроля и учета вас не слышат.

– Могу себе позволить, – небрежно отмахнулся Сергисус. – Мы же здесь находимся 24 часа в сутки, выход за пределы аналитического центра категорически запрещен. Здесь спим, едим, живем и умираем. За теми дверьми, – указал он, – находятся еще два таких же зала. Один для мужчин, другой для женщин. Плюс бассейн и столовая. Там мы и проводим свое свободное время. Праздники, свадьбы, похороны...

– Больше смахивает на тюрьму, чем на высокотехнологичное предприятие.

– Не знаю, по мне так все, что происходит за дверью, и есть самый настоящий ад. Все куда-то бегут, торопятся, боятся слово лишнее сказать. Экономят, недоедают, переживают за родных и близких. Погибают от войн и болезней. То ли дело у нас: четырехразовое питание, удобная униформа, которую стирают и гладят. Всегда свежее постельное белье. А самое главное – постоянный доступ к компьютерам и глобальной информационной сети. Чего еще желать человеку с пытливым умом и языком без костей, который не хочет быть

расстрелянным за одно неосторожное слово?

– И что же вы анализируете денно и нощно?

– Практически все: какая погода в Америке, сколько новых геев появилось в Париже, сколько старых умерло в Лондоне, какое вино пьют в этом месяце в Лиссабоне, когда начнется очередная война в Анголе и так далее...

– И с какой целью?

– Цель одна – показать русиянам, какая жуткая реальность царит за стенами нашей страны. Насколько власть содомитов хуже политического курса, выбранного Великими вождями. Мы вселяем веру в каждого русиянца, помогаем ему почувствовать себя богоизбранным.

– А вы, аналитики, сами в это верите?

– Не важно, во что мы верим, важно, что простым людям это помогает. Ведь гораздо легче переносить мороз в дырявых валенках, зная, что ты не такой, как все, а существо высшего порядка. Ну и пусть твой туалет – деревянный сарай с дыркой в земле. Зато ты равный с ангелами. И не спасут извращенцев и шайтанов их мерседесы, хорошее вино и современная техника. Ведь они всего-навсего сдохнут, а мы попадем сразу в рай!

– Ваш рай даже нельзя назвать золотой клеткой, – указал я на крышу, уворачиваясь от пикирующего воробья. – Страшно подумать, что здесь творится во время дождя.

– Это все мелочи. Стекла поменяют, дайте срок.

– Сергиус, я смотрю, Вы человек неглупый и стоите над

пропагандой, поскольку сами принимаете участие в ее формировании. Так вот, ответьте мне, не для протокола – как великая держава с тысячелетней историей докатилась до жизни такой? Обещаю, что ваши слова не выйдут за пределы этих секретных стен.

– Знаете, век аналитика в России недолог. Мы никогда не доживаем до пенсии, – немного подумав, ответил мужчина. – И во многом это обстоятельство позволяет говорить то, что думаешь, не боясь быть осужденным на поселение в Сибирейскую тайгу. Нас отбирают еще в роддоме, навсегда отрывая от родителей. Растят и обучают в специальных питомниках, потом распределяют на работу по аналитическим центрам нашей родины. Совсем тупых утилизируют. Тех, кто профессионально непригоден, разбирают на органы.

С посторонними людьми мы не общаемся, родных и близких не имеем. Жены и дети, привязанности и чувства – это не про нас. Просто делаем свою работу, проживая большую часть жизни в виртуальном мире. Я никогда не разговаривал с представителями старшего поколения, тем более довоенного, поэтому не могу провести анализ исторических событий, благодаря которым мы оказались там, где оказались. Но, с точки зрения современности, все абсолютно ясно.

Знаете, на чем зиждется вера наших вождей? Эти «боги» и их приспешники воруют днем и ночью, но почему-то считают, что остальное население этого делать не должно. И свято верят, что в парадигме тотального воровства и мздо-

имства, когда по-другому заработать уже не получается, все равно найдутся святоши, которые отринут саму идею отъема чужого имущества для личного блага.

– Умрут, но не возьмут? – пошутил я.

– Точно. Оглянитесь вокруг. Мы буквально тонем в омуте воровства. Воруют все: предприниматели, скрывая доходы и недоплачивая налоги в бюджет, воруют пенсии у наших стариков и пособия у инвалидов. В магазинах, продавая просроченные продукты, воруют наше здоровье. Учителя, от страха за собственную судьбу преподавая сушную ересь, воруют будущее у наших детей. Полицейские, отпуская за взятку преступника, воруют нашу безопасность и спокойствие. Что уж говорить про врачей, лечащих не ради результата, а ради прибыли.

– В итоге все воруют у других, но в конечном счете обворовывают свое настоящее, – резюмировал я.

– Совершенно верно. Государство отходит на второй, третий и даже четвертый план в ряду ценностей общества. И чем дальше оно отходит, тем меньшее уважение к нему испытывает народ.

– Неужели этого не видят мудрые правители? Вы же им даете полный расклад, вон даже счет извращенцев ведете, – удивился я.

– Тому есть закономерное объяснение. Старое поколение вождей уходит. Только не обижайтесь, но на смену приходит племя молодое, состоящее в основном, из гламурных от-

прысков – тупиц, бездельников, зачастую зависимых от жидких и сыпучих пороков.

Они не умеют и не хотят трудиться, зато хотят жить красиво и богато, чему приучены с рождения. Отсюда их главный вывод: «не можешь заработать – укради!»

Наши враги это сразу раскусили и «в помощь» недалеким деткам прислали со всех концов Света так называемых экспертов. А на деле это неудавшиеся ученые, слепые инженеры, политики и философы, страдающие шизофренией и криворукие врачи. С этого и начался большой развал Великой империи.

Я все это говорю, поскольку вижу, что Вы, хоть и зажавшийся неженка, но еще способны критически оценивать окружающую действительность. Плюс вращаетесь в высших кругах. И может быть, именно Вам и таким как Вы уготовано повести Русию по новому, прогрессивному пути, взяв лучшее из нашего прошлого и отринув маразм настоящего.

– Спасибо, конечно, за доверие, – поблагодарил я Сергуса, ощущая в груди огонек тщеславия. – Но мне кажется, что сегодня Русия еще не готова к переменам. Помните, как поется в одной похабной частушке: «Сколько будет дважды два – это знает каждый. Не удержишь бабу ты, коли хер бумажный...»

Очередное сновидение занесло меня на морской паром,

набитый людьми. Даже на нижней палубе для перевозки автомобилей толкались и ссорились мужчины и женщины, старики и дети. Переправлялись мы, кажется, из Краснодарского края в Крым. «Кажется» потому, что мне никак не удалось протиснуться к иллюминаторам. Море было неспокойно, паром то и дело кренился, вызывая у особо чувствительных рвотные позывы. Усугубляли ситуацию неработающие туалеты. Точнее, они были открыты, но унитаза, переполненные морской водой, мало кого прельщали. Уборщицы-узбечки мужественно сражались со стихией, вычерпывая ведрами воду и сливая за борт.

Я стоял в коридоре, зажатый со всех сторон. Единственное доступное развлечение – большой плоский телевизор, висевший над головами. Поначалу экран был чернее ночи, воспевая тоску вынужденного ожидания. Но вот телевизор заработал и нам показали карту боевых действий в Охотском море. Стрелки, пунктиры, разноцветные треугольники и квадратики и пять силуэтов кораблей, зачеркнутых и обведенных красными кружками. Комментировал видео шипящий голос диктора: «Учитывая, что наши корабли без предупреждения были атакованы и уничтожены ракетами противника, Президент принял решение о немедленном применении ядерного оружия!»

После столь грозного заявления толпа в коридоре пришла в хаотичное движение. Откуда ни возьмись вперед «очереды» забежал Юрий Лоза и возопил: «Ну теперь, бляха, оста-

лось только надеяться!» Потом запел то ли песнь, то ли молитву и повел нас к выходу, держа над головой палку с привязанной к ней зеленой рубашкой.

Глава 3. Фашизм

На следующий день, пребывая в расстроенных чувствах от посещения суперсекретного Городского аналитического центра, я направился куда глаза глядят. А глядели они, как часто теперь случалось в этом сумасшедшем зазеркалье, в сторону пивного бара.

Напиться и забыться – стало моим кредо, спасающим от помешательства. Чем больше времени я проводил в фашистском раю, тем сильнее терял связь с нормальностью. И только лошадиные дозы крепкого алкоголя, каждый день убивая по сотне обрусияненных нейронов в моей голове, позволяли сохранять остатки разума прежнего Дмитрия Неверова.

Питейное заведение было закрыто для проведения заказного мероприятия. Но, посмотрев мой паспорт, вышибала на входе решил не искать приключений на свою пятую точку и гостеприимно распахнул двери. Я проскользнул в полутемный прокуренный зал, поискал свободный столик и, не найдя такового, присел к незнакомой компании. Те даже глазом не повели, не сильно обращая внимания на происходящее вокруг. Из их разговора я понял, что здесь собрались рабочие сталелитейного завода для проведения регулярных за-

нятий по социальной грамотности. Понимая, что в ближайшие часы меня ожидает страшная скукота и кровь из ушей от фашистской пропаганды, я велел бармену принести сразу пять бутылок водки и десять кружек пива. Захотелось мгновенно влиться в коллектив, и стать своим в доску, избежав шквала тупых вопросов. Это у меня получилось. Едва стеклянные доньшки коснулись поверхности стола и работяги услышали от меня радушное «Дорогие русиянцы! Позвольте угостить вас чистой водкой и ароматным пивом», как я мгновенно стал королем вечеринки.

Программа политпросвета оказалась не такой уж и скучной. Режиссеры явно умели играть на струнах народной души, поэтому первый час был отведен банальной попойке. Это расслабило работяг и успокоило ярых активистов. К моменту, когда ведущий, восседая за барной стойкой, начал лекцию, половина зала уже дремала.

– Уважаемый работатник сталелитейной отрасли! Сегодня в нас очередь занятия по социальной грамотности на тема «Работать нада, а не ныть!» Прошу всех умеритвить свой пыл и не налегаш на спиртное. Лекций займета всег час, поэтому постарайтесь слушать ее до конца.

– Смотри сам не отключись раньше времени, алкаш поганый! – выкрикнули из темноты.

Лектор ничуть не смутился. Было заметно, что это не первая его стендап-вечеринка и он готов к оскорблениям. Нудным голосом стал зачитывать полнейшую хрень про обязан-

ность рабочих беспрекословно выполнять любые приказы начальства. Не роптать, не просить повышения по службе и прибавку к зарплате. И вообще, вести себя так, как полагается агнцам Божьим. А если призовет Отчизна, то немедленно, не жалея живота и не считаясь с личными интересами, броситься и закрыть телом амбразуру садомитов.

– Иди на хер! Сам бросайся на этих извращенцев и прикрывай им что хочешь! – возмутились слушатели.

Бедному лектору пришлось целых пять минут объяснять, что он имел в виду не плотские утехы, а сражение на поле боя. Но, поскольку он сам был изрядно пьян, то запутался еще больше. И в качестве разрядки возникшего в зале напряжения не придумал ничего лучше, чем подойти к мужику, сидевшему в первом ряду, и, крепко пожав ему руку, смачно поцеловать в губы. Вероятно, по его задумке, это должно было показать залу полную лояльность и добродушный настрой. Но работяги не оценили души прекрасные позывы.

С криками «Бей пидора, спасай Русию!» они обрушили на голову бедняги тяжелый стул, а потом стали методично пинать бездыханную тушку.

Я понял, что идиота надо спасать, иначе его растащат на органы.

– Друзья мои! – проорал я. – «Как говорится, между первой и второй перерывчик небольшой!» Не будем нарушать мудрые русиянские традиции и продолжим пир. Официант, еще десять бутылок водки моим товарищам!

Избиение мгновенно прекратилось, и довольные мужики вернулись на места.

Лектор, который, как ни странно, не умер от побоев, пополз к ближайшему столику. Кто-то сердобольный протянул ему полный стакан водки.

– На, скотина, выпей, чего уж там...

– Только за стол его не садите! – возмутился «целованный». – А то снова приставать начнет.

Стакан был выпит до дна, и бедолага заснул на полу, свернувшись клубком вокруг ножки стола.

Я подумал, что уже ничего интереснее в баре не произойдет, и захотел прогуляться. Зашел в парк и, увидев группу людей, играющих в домино за большим уличным столом, решил провести остаток вечера в их компании.

– Извините, я не помешаю, если немного посижу с вами? – решил я уточнить, дабы не повторить судьбу лектора.

– Ну, если ты человек добрый, тогда милости просим, места не жалко, – сделал пригласительный жест рукой дед-богатырь, восседавший во главе стола. Я сразу его так окрестил за высоченный рост и могучее тело, килограмм под сто семьдесят. Густая седая борода придавала его облику черты свирепого викинга.

Разложив доминошные кости на гигантской ладони одной рукой, другой он держал увесистую курительную трубку черного цвета. Долго обдумывал каждый ход. Перед тем как стукнуть костью по столу брал трубку в рот и делал глубокую

затяжку. После чего обрушивал маленький кусочек пластика на деревянную поверхность, заставляя подпрыгивать кости других игроков, и блаженно выдыхал паровозную струю дыма.

Рядом с ним сидели четверо совсем молодых парней, лет двадцати и мужчина лет сорока пяти по имени Михаилер с лицом человека, уставшего от жизни и дешевого алкоголя. Перед ним стояла стеклянная банка с чем-то желтым (очевидно пивом), к которой он периодически прикладывался. После каждого глотка Михаилер морщился и крестился.

Как я понял, ради азартной игры здесь собрались только Хоттабыч (так звали исполинского старика) и баночный алкаш. Молодежь же пришла поглазеть и послушать авторитетов, ведь Хоттабыч провел в Сибирейской тайге больше двадцати лет.

По молодости он имел неосторожность подраться с отпрыском благородного партийного семейства. Ему не понравилось, что тот на дискотеке унижал девушку, обзывая грязной нищесборкой и недостойной шалавой.

Хоттабыч велел мажору извиниться, тот послал его куда подальше. Отношения решили выяснить на кулаках. Мажор был явным дебилом или совсем пьяным – даже сейчас внешний вид Хоттабыча напрочь убивал мысли о возможной потасовке с богатырем. Чего уж говорить про его молодые годы... Но как бы там ни было, впаяли нашему физкультурнику срок за побои – аж целых десять лет поселения в Сиби-

рейской тайге. А потом на пересылке еще добавили столько же. И снова из-за же женского пола – Хоттабычу категорически не понравилось, что один из конвойных, пользуясь служебным положением, решил изнасиловать в тамбуре заключенную. Не долго думая, добрый молодец взял да и выкинул ублюдка из электрички на полном ходу.

После года карцера определили Хоттабыча в лесорубы. Целыми днями он махал огромным двуручным топором и валил корабельные сосны, да березки с осинами. Тогда же увлекся собирательством, стал знатным травником. Лечил от всякой хвори, к нему даже с воли приезжали недужные – кто от пьянства страдал, кто геморроем мучился. Там и получил прозвище Хоттабыч.

Отбыв срок от звонка до звонка, вернулся в родной город, открыл гомеопатическую лавку и влился в ряды унылых обывателей. Но убеждений своих не поменял.

– «Запомните! Фашист, он и в Африке фашист», – не раз говаривал он друзьям и знакомым. Вот и сегодня речь в доминошной компании зашла о коричневой чуме.

Молодежь с интересом слушала, кивала, но мало что понимала. Наконец, один из юнцов по имени Гришка (Григориус) не выдержал:

– Тогда что такое фашизм? – возопил он, совершенно сбитый с толку.

– Чтобы тебе было понятнее, зайду издалека. Все мы рождаемся разными, так уж постаралась природа. Архитекторы

бытия над кем-то поработали лучше, над кем-то хуже. В итоге имеем мир, населенный красавцами и уродами, толстяками и обладателями идеального тела, умными и тупицами, трудоголиками и лентяями и так далее, до бесконечности. . . – пояснял Хоттабыч, медленно раскуривая исполинскую трубку.

– Поэтому, когда ты хвастаешься: «Я спортсмен лучше, чем сосед Ванька, или я талантливее, чем многие писатели моего города. Я лучший муж, любовник, отец, химик, физик, астроном – это нормально. Это обычный соревновательный процесс, который мы начинаем еще на стадии сперматозоидов. Но даже в этом случае, выпячивая свое превосходство, не забывай, что львиная доля твоего успеха – это дело рук природы-матушки: и здоровье, и выносливость, и скорость реакции, и болевой порог, и ум, и смекалка. И лишь малая толика – плод личного упорства и целеустремленности, которые являются только приправой к супу.

Но как только в твоём мозгу рождается мысль «Как человек, я лучше, чем он, она, они. . .», знай, что в этот самый миг ты становишься фашистом. Человек создан по образу и подобию Бога. Это, пожалуй, то небольшое, в чем единодушно сходятся мировые религии. В каждом из нас Его частица. И в этом смысле все мы абсолютно одинаковы. Нет лучших людей, равно как нет и худших. Не взирая на национальность, вероисповедание и цвет кожи.

– В точку! – поддержал собутыльника Михаилер. – Чело-

веки не должны доказывать свою видовое превосходство над другими людьми. Хочешь продемонстрировать миру, что ты венец природы – иди и победи голыми руками льва или медведя. А еще лучше – покори Эверест без теплой одежды, или переплыви синий океан в одних трусах.

– Если бы все было так просто... – начал упрямиться Гришка. – Все равно не понимаю, зачем тогда природа создала нас разными? Ведь и ежу понятно: у сильного всегда будут чесаться кулаки, чтобы навалить хилятику. Красивая баба будет с высокомерием относиться к окружающим ее страхолодинам, пусть и не скажет об этом вслух. Уродины же в ответ будут ненавидеть красотку и желать ей прыщей на жопе и мужа-алкоголика.

– А это как раз и есть то испытание земным миром, про которое толкуют попы и прочие любители воскурений. Провокация небес, змей-искуситель, если быть совсем точным. Запомни: тебе Дано лишь с одной целью – своей жизнью облегчить общее существование.

– Ага, щас, разбежались! – со злостью возразил Гришка. – С какой это стати я буду свою единственную жизнь тратить на помощь другим? А они мне чем помогут? Всем давать – сломается кровать!

– Не кипятись, – пустил ему в лицо струю плотного дыма Хоттабыч. – Вдохни поглубже и задержи дыхание. Моя травка кого хочешь успокоит, – улыбнулся старик.

– Как я уже говорил, в каждом из нас есть частица Бога, а

точнее – каждый из нас и есть частица Бога, понимаешь?

– Не очень, – признался выдохнувший парень. По довольному выражению его лица стало понятно, что друидские навыки Хоттабыча не подвели – эффект от курева наступил незамедлительно.

– Все мы являемся частицами одной и той же сущности, которую привыкли называть Богом, Высшими силами, Вселенским разумом. Для чего нужно было такое распыление, я не знаю. Может быть, для безопасности (поди попробуй убей Бога, то есть всех людей разом, если каждый час на Земле рождаются тысячи новых человек, читай: «новых частиц Бога»). А может, так Ему удобнее управлять земной жизнью, когда глаза, уши, руки есть в каждом уголке Земного шарика. Не знаю, да и никто не знает. Слишком сложный вопрос для такого «ничто», кем, по сути, является человек.

– Ну ты загнул, травокур, – хихикнул Гришка. – Частицы Бога... Чего тогда брешут, что Всевышнего никто никогда не видел, когда мы его частицы?

– В том-то и дело. Чтобы увидеть Бога, надо собрать ВСЕХ живущих на Земле в одном месте, а это нереально даже всем полициям. Пока одних будешь собирать, другие уже умрут, родятся новые – и начинай все сначала. Сизифов труд, одним словом.

– Поэтому и стоит помогать окружающим, воспринимая их не как конкурентов и инопланетных захватчиков, а как единое целое, частью которого являешься ты сам, – подыто-

жил Михайлер. – Ты же не будешь воевать с собственной ногой или унижать свои яйца и бить по ним молотком! С яичницей между ног далеко не уйдешь, и новый дом не построишь...

– Вот так всегда у вас, стариков: начали про фашистов, а все свели к Богу. Как будто других примеров нет.

– Так уж устроен мир. Ни с чем родился, ни с чем и умрешь. И никакое золото, алмазы, армия и атомные бомбы тебя не спасут от встречи с сырой землей и жирными червями.

– Совсем меня запутали, старые черти, – вскочил Гришка и махнул рукой.

– Что я теперь в отчете для Министерства охранения исторической правды напишу? Про частицу Бога, про отбитые яйца? Там решат, что и у меня кукуха поехала, и отправят на «лечение» в Сибирейскую тайгу.

Расстроенный юноша бросил на стол кости, встал и, не прощаясь, зашагал в темноту, бурча себе под нос.

– Чего это он? – поинтересовался я у Хоттабыча. – Хорошо же сидели. Куда он поперся один на ночь глядя?

– Не бери в голову, – доверительно склонился ко мне старик. Будучи стреляным воробьем, он с первых минут знакомства просёк, что я тоже бывший арестант и нарушитель социального спокойствия. – Гришка проходит стажировку в Министерстве охранения исторической памяти. Чтобы быть принятым на постоянную службу, ему необходимо написать

не менее двадцати доносов. И по этим доносам не менее пяти человек должны осудить и наказать – расстрелять, повесить или сгноить в Сибирейской тайге. Только тогда он докажет свой профессионализм и лояльность к русиянским властям. А без этого бегать нашему щеглу в рядовых стукачах безвозмездно, то есть даром.

– И вы так просто об этом говорите? Не боитесь, что он настроит донос на ваш доминошный клуб, и снова окажетесь с топором в лесу? – изумился я.

– Писал уже, и не раз. Только вот трусоват наш Григориус. Поэтому в его докладах нет правды жизни. Он, идиот такой, в своих записульках запрещенные и острые слова заменяет на обычные. Так, «фашисты» у него становятся «немецкими воинами», «вожди-идиоты» превращаются в «политиков, не понятых народом», и дальше в том же духе. Оттого Гришкины доносы больше напоминают официальные газетные статьи, а не секретные донесения. А за это у нас пока еще не сажают...

В сопровождении двух человек в длинных бежевых плащах и шляпах я вошел в помещение то ли морга, то ли мавзолея, в котором царила полутьма. Не могу сказать точно, потому что, в отличие от морга, здесь было тепло, отсутствовали холодильные камеры и разделочные столы. Судя по сводчатому каменному потолку и толстым стенам, не пропускав-

шим ни единого звука, скорее всего, мы находились в бункере. Меня подвели к открытому гробу, в котором лежал покойник – с впалыми щеками и высохшей кожей на довольно молодом лице.

– Это Борман, – подсказали мне. – Среди прочих его можно назвать счастливым: ведь он умер своей смертью. А это велено отдать вам, – один из сопровождающих передал мне серебряные карманные часы.

Это была модель без крышки, с арабскими цифрами и стрелками с фосфорным покрытием (такие светятся в темноте).

Я взял их в руки и, пытаясь рассмотреть, поднес к лицу. От несильной встряски часы повели себя весьма странно – из-под цифры двенадцать внезапно потекла густая темная кровь и почти мгновенно залила половину циферблата.

– Вау! Это же кровь самого Мартина Бормана. Повезло Вам, господин Неверов. Теперь наши ученые смогут использовать ее для клонирования одного из великих вождей. Пойдемте к выходу, обрадуем остальных, – без церемоний потащили меня спутники к свету в конце туннеля моего сновидения.

Глава 4. Не ходите, дети, в Африку гулять

– Скажи, Мари, почему в нашем городе на улицах почти нет детей? Никто не бегает, не озорничает. Ребенка обяза-

тельно ведут за руку строгие родители. Подростки по вечерам не сидят на лавочках с гитарой, не гоняют в футбол во дворе и не распугивают прохожих визгом раздолбанных скутеров. Вы что, сразу рождаетесь взрослыми и морально подкованными?

– Детё на улиц? Фу, какое безкультурье, – брезгливо поморщилась моя спасительница. – Теперь я понимаю твой дикый статус. Тебя не таки воспитат. Ребенок без дела – пропащий взрослый!

– А как же беззаботное детство, самая счастливая пора в жизни?

– Вся жизн – счастье, если жевеш на благо страна, – отчеканила девушка.

Спорить с сотрудником СС было бесполезно, даже невзирая на почти семейные отношения, установившиеся между нами. Но мой пытливый ум продолжал мучиться вопросами: чем дышат, как думают, о чем мечтают маленькие русиянцы? Не может же быть, чтобы фашистами они сразу рождались, а не становились моральными ублюдками под влиянием обстоятельств! Попытка не пытка – решил я и попросил Машку устроить мне знакомство с каким-нибудь детским садом или школой. А лучше и с тем, и с другим. Поначалу она сильно удивилась, не понимая, чем меня могут заинтересовать детишки.

– Они пока есть незрелый, мало знать, ничё не осознавай. Какой тебе от них пользова? – пыталась она меня вразумить.

Но я был настойчив, и после парочки бурных ночей всепоглощающей страсти девушка согласилась.

Ко мне снова приставили прыщавого Клауса, выдали памятку с маршрутом следования, включавшего посещение одного детского садика и средней школы. И строго-настрого запретили разговаривать с детьми на крамольные для фашистского мира темы.

– Не задавай свой тупы вопросня! Иначе снова вернуть тебя в Сибирейский мрак. Меньше говор, больша слушай! – приказала Мария, уточнив, что общение на запрещенные темы с детьми является в Руси отягчающим обстоятельством. И за одни и те же слова, сказанные взрослому и ребенку, тюремные сроки могут сильно разниться.

Я понимал, о чем она говорит, потому что частенько вспоминал лилипута-лифтера, получившего солидный срок из-за принесенного в школу романа Булгакова.

Естественно, что к моему визиту подготовились основательно. Садик, который шел в культурной программе первым, блеснул как отполированная лысина престарелого плейбоя. Все детки как на подбор – симпатичные, розовощекие, в выглаженной одежде. Воспитатели им под стать, хоть фото на обложку журнала «Счастливая Русия» делай.

– Здравствуйте, девочки и мальчики, – широко улыбнулся я. – Как вы здесь поживаете?

– Здравствуйте, господин Петцев! Добро пожаловать в наш гостеприимный детский садик! – оглушил меня хор дет-

ских голосов, пытающихся переорать рев взрослых.

– Живем мы очень хорошо, чего желаем всем остальным жителям нашей прекрасной могучей страны!

– Тише, вы меня так глухим сделаете, – морщась, попросил я.

– Простите! – снова проорали они.

Я понял, что диалога с этими выдрессированными детишками не получится. Вся надежда оставалась на школу. Поэтому надо было быстрее сваливать из этого питомника. И я решил схитрить.

– Как вы знаете, я очень занятой человек. Давайте-ка вы быстренько расскажете мне, чем вы тут занимаетесь, и я пойду дальше выполнять важные государственные дела.

– Так, детё, внимание! – скомандовал директор садика. – Начинать наш торжественный выступление. Не волнуйтесь, делаем все так, как у репетиций. Кто ошибется – поедет в Сибирейскую тайгу муравьев кормить! Никаких поблажка не быть, не смотреть, что вы еще маленькие. Раз, два, три, начали!

Послушные воспитанники выстроились полукругом в три ряда и запели:

«Если б дети мира знали,
как живется на Руси.

Тоже б пели песни эти,
побывать у нас просили.

Только злые извращенцы,

из Европы и США,
где мужчина не мужчина,
а родитель номер два.
Не хотят, чтоб дети знали,
как прекрасно мы живем.
Ходим строим, валим сосны,
кровь для опытов сдаем.
Не роптать и не канючить,
так учили нас вожди.
Если с этим не согласен –
ты прощения не жди.
Пуля в лоб, петля на шею,
много может наш народ.
Мы врагами удобряем
в каждом доме огород.
За границей ад крошечный,
там едят людей без соли.
Сплошь насилуют прохожих,
дети корчатся от боли.
Нам бы только стать взрослее,
поскорее подрасти.
Чтобы матушку-Землицу
от гибели спасти!

До школы ехали молча. Моя теория, что фашистами не рождаются, а становятся по мере взросления, трещала по

швам. Хотя, рассуждал я, при каждодневной муштре и агрессивной пропаганде, перемешанной с воздухом и водой, можно добиться и не таких «успехов». То, что психику русианских детей уродуют с пеленок я, уже понял. Но это малыши. Их просто обмануть, убедить, запугать в конце концов. Другое дело школьники, особенно учащиеся старших классов. В их душах и телах уже разгорается огонек взрослой личности. И в этот период подросткового бунтарства ой как непросто убедить их в чем-то, особенно если убеждают надоедливые взрослые.

Подъехав к школе, я буквально выпрыгнул из автомобиля. Прямо с порога заткнул на полуслове расфуфыренную до невозможности директрису, которая вышла на встречу с огромным караваем в руках. Позади нее в почтительном молчании парадной коробкой выстроились преподаватели и ученики. Отчеканив дежурную фразу про дикую загруженность, я грозно приказал:

– Обойдемся без похвал и торжественного митинга. Хочу посетить самый обычный урок истории, который проведет рядовой учитель в самом обычном классе!

Директриса была явно шокирована, но сумела совладать с собой и не грохнуться в обморок, велев провести меня в кабинет истории на втором этаже, а сама засемила следом. Пока мы шли, она шепотом наставляла взрослых и детей:

«Вота, учитесь: такой большой человк и такой скромный! Не то что вы, сволота. То вам зарплату маленький, то суп

жидкий. На великих надоть равняться, а не о живот свой думать».

В классе меня хотели усадить за первую парту, чему я воспротивился и уселся на последний ряд.

– Я хочу слушать, а не говорить! Отсюда мне будет удобнее это сделать, – объяснил я свой поступок, чем повторно чуть не довел директрису до комы.

Спорить с теми, кто выше по социальному статусу, в Руси было смертельно опасно, поэтому все засунули языки в задницы и вытянулись по стойке смирно у стенки позади меня. После того, как кабинет наполнился учениками, приступили к занятиям.

– Какой это класс? – поинтересовался я у полуживой директрисы.

– Девять, выпускной. А что не подходит? Вы только скажай, я сдел замену.

– Оставьте, это как раз то, что надо, – ответил я, радуясь случайному везению. Хотелось верить, что эти юноши и девушки будут весьма остры на язык.

Тем временем седовласый учитель, по типуажу напоминающий недобитого интеллигента из советских фильмов про революцию 1917 года, приступил к занятиям:

– Запомните, ребята, наша главная задача – доносить остальным странам мира позицию русианских властей, всеми доступными способами. Пусть даже эта мысль будет начертана на корпусе баллистической ракеты с ядерным зарядом.

дом.

Мы не можем себе позволить быть слабыми. Об этом нам не просто говорит, а кричит вся история Руси. С давних пор, великие германцы старались сблизиться с нашими предками, и научить их уму разуму. К сожалению, древние русиянцы, сами не понимая своего счастья, неохотно шли на контакт. И даже частенько проявляли агрессию по отношению к будущим благодетелям. Более тысячи лет немецкая мудрость отвергалась нашими недалёковидными предками. И только император Петр III набрался смелости и взял в жены немку Софию Августу Фредеріку Ангальт-Цёрбстскую, более известную как Екатерина Великая. К сожалению, за отважный поступок он поплатился жизнью, что лишний раз доказывает, какими тупыми и кровожадными были прежние русиянцы.

– Позвольте, господин учитель, – поднял я руку. – Если мне не изменяет память, то Петра III убила как раз-таки его женошка, доверив исполнение приговора своему фавориту Орлову и его брату! Кажется, они закололи его вилкой во время обеда.

Учитель стал бледнее смерти. Он не знал, что ему делать: начнешь спорить с потомком великого вождя – окажешься в Сибирейской тайге. Примешь точку зрения, отличную от официально утвержденной, тогда жди доноса от коллег в Департамент морального контроля и учета. А это, опять же, дорога в один конец в Сибирейскую тайгу.

Выручила старика директриса. Она метнулась к шкафам, отыскала учебник истории и дрожащими руками положила передо мной.

– Вот, пожалуйста, господ Петцев. Мы учит детей строго по утвержден учебник, никакой вольнодумай! Если хотите, я перепису имена его авторов, и вы моч наказат их по всей строгий закона. Если соврали – пуль в висок, чтоб нам башка не морочит.

– Ничего страшного, продолжайте, – как можно миролюбивее попросил я учителя. – Сами знаете, история – величина непостоянная. Изменяли ее, изменяют и будут изменять, в угоду запросам времени. К сожалению, я тороплюсь, поэтому буду вам благодарен, если мы пропустим эпоху правления Романовых и сразу перейдем к началу двадцатого века: скажем, к 1917 году.

– Как пожелаете, – кивнул педагог. – Итак, ребята, мы подошли к переломному моменту тысячелетней истории нашей страны. Именно в 1917 году Русия оказалась на пороге грандиозных перемен. Как вы знаете, в Европе уже третий год шла самая безумная в истории война. Какими слепыми были наши предки, если додумались воевать со своими братьями – великим немецким народом. Идя на поводу у англосаксонских вырожденков, американских ублюдков и прочей нечисти, русиянцы с жестокостью уничтожали всех на своем пути. Не щадили ни стариков, ни детей. Народ был ослеплен сатанинским огнем, оглушен содомскими бубнами. «Война

до победного!» – этот лозунг наших, прости Господи, предков чуть не погубил мир. Николай Второй, более известный нам как «Николашка Вурдалак», денно и нощно разрабатывал планы по тотальному уничтожению не только немецкого, но и французского, польского, турецкого народа, и много кого еще.

– И снова вопрос! – поднял я руку, ощущая спиной тяжелое предобморочное дыхание директрисы. – Жена последнего императора Николая Второго Александра Фёдоровна (урождённая принцесса Виктория Алиса Елена Луиза Беатриса Гёссен-Дармштадтская) была чистокровной немкой. Зная ее неограниченное влияние на царя, слабо верится, что она не смогла отговорить своего благоверного от участия в ненужной войне, которая в итоге привела к распаду Великой империи.

– Вы совершенно правы! – просиял учитель. – Матушка Александра Федоровна одна и была против кровавой мясорубки русиян с германским народом. Уж как она поначалу вразумляла своего Ники! Плакала у него на груди день и ночь. Заклинала не поднимать руку на великий немецкий народ, который только один способен вывести русиян из многовекового морока и страхоблудья.

Но не успела довести начатое до конца. Содомиты и тут всех переиграли. Они внедрили в царскую семью своего давнего агента – Григория Распутина. Он был известен грязными колдовскими делишками и неумными половыми извра-

щениями. Гришка, пользуясь гипнотическим умением, дарованным ему сатаной, постоянно вводил царицу в транс, и грязно надругался над ней. Оргии он фотографировал и даже снимал на синематограф. А после шантажировал Александру Федоровну. Если, говорит, голубушка, только пикнешь поперек войны с немцами, я тебя на целый мир ославлю, и жопу твою голую весь Париж увидит! Куда уж тут было деваться бедной женщине.

В этих тяжелейших условиях надо было принимать срочные меры, пока не воцарился ад на земле. И Великая Германия сделала ставку на господина Ульянова. С его помощью предполагалось раз и навсегда изменить сознание руси-ян и повести страну по новому, прогрессивному пути развития. Поначалу все шло по плану: Владимир Ульянов в считанные месяцы после прихода к власти большевиков прекратил ужасную братоубийственную войну, заключил с Германией прекрасный Брестский мир, готовился передать власть Великим германским правителям.

Но его планам не суждено было сбыться. Кроваожадный людоед Сталин практически сразу же после подписания мирного договора в 1918 году выкрал Ульянова из Кремля, отвез в горы и отрубил руки, ноги и голову. Из мякоти сделал шашлык, а другие части тела скормил диким собакам. Потом велел найти двойника, привез в Москву и посадил на трон вместо настоящего Ульянова. Он даже сменил имя самозванцу: Ленин. Так он старался стереть любую память о

великом Владимире.

– А зачем это было нужно Сталину? – поинтересовался я, решив стать активным участником исторического ревизионизма.

– Как зачем? Сталин же грузин, стало быть, выходец из греков. А мы знаем, что Древний Рим одержал сокрушительную победу и силой удерживал Грецию в составе Римской империи более двухсот лет. Отсюда и идет ненависть потомков греков к потомкам великих римлян – германцам. Короче, подрались деды, а воюют внуки.

Естественно, что, обуреваемый жаждой мести, Сталин помножил на ноль все благие начинания настоящего Владимира Ульянова и мечтал во что бы то ни стало поквитаться с немцами за поруганную честь предков. Свою злобу он копил целых двадцать три года, день и ночь вооружая и озлобляя русианцев. Словно сторожевых псов, морил их голодом и холодом. Держал в лагерях, бил, калечил, насиловал. И все ради того, чтобы к 1941 году народ дошел «до ручки» и согласился вероломно напасть на Европу.

Но никакая злость и одержимость не способна одолеть великий ум, железную дисциплину и непогрешимую логику. Это в очередной раз доказала история, когда Великой германской армии понадобились считанные месяцы, чтобы обратить орды славянских варваров в бегство и принудить их к капитуляции. Можно с полной уверенностью заявить, что 9 сентября 1941 года закончилась история прежней тем-

ной, ограниченной и похабной допобедной Руси и началась эпоха процветания нашей страны под неусыпным присмотром мудрых германских правителей! – закончил он лекцию с влажными от «торжественных слез» глазами.

Дальнейшую историю я уже знал от бывшего сокамерника Дмитринга, который, сука такая, оказался фашистским офицером. Поэтому, сухо поблагодарив за прекрасно проведенный урок, поспешил покинуть стены заведения, предназначенного для дебилизации мальчиков и девочек школьного возраста.

Глава 5. Что делать?

Этому вопросу был посвящен двадцать второй Всерусийский съезд рабочих, военных и партийных депутатов.

Как ни странно, но он проходил в том самом зале «под куполом цирка», с которого начались мои злоключения в зеркалье. Именно здесь я посмел оскорбить фашистских выродков и усомниться в правильности слов руководства города. Тогда, помнится, шел праздник, посвященный капитуляции Советского Союза перед военной машиной Германии и переходу на модель государственного управления, разработанную величайшими умами Рейха.

Первоначально планировалось, что такое знаковое событие, как проведение главного съезда страны, непременно состоится в Московии, в специально отстроенном на Красной площади дворце спорта. Новодел получился настолько огромным, что пришлось снести мавзолей. Но даже это не

спасло ситуацию, и строители немного залезли в парк, который сразу после войны был разбит на месте стертого в пыль Кремля со всеми его стенами, башнями и зданиями.

Ленина немцы уважали. Еще бы: один только унижительный Брестский мир, подаренный им Ильичем, чего стоил! Поэтому стеклянный гроб с телом не выкинули в ближайшую канаву, а соорудили прозрачную капсулу, поместили в нее гроб и вертикально подвесили на чугунных цепях на ветвях толстого дуба рядом с новым дворцом. Получилось, как будто вождь мировой революции лично встречал посетителей, напоминая о том, что демон революции не дремлет. То, что он парил в воздухе никого не смущало – вождям можно все.

Как назло, в момент приемки архитектурного шедевра поднялся сильный ветер. Под тяжестью раскачивающегося груза ветви не выдержали: капсула с гробом рухнула на землю, похоронив под собой двух министров и одного маршала. Они даже пикнуть не успели. Закопали их здесь же, под дубом. Так сказать, на месте гибели при исполнении служебного долга. Гроб подвесили обратно, но от проведения съезда отказались. Решили, что полет Ленина – это дурной знак, все-таки не каждый день с небес падают вожди.

Пока думали-гадали о новом месте, прошло несколько месяцев. Договориться не могли, поскольку каждый населенный пункт Руси, даже самый захудалый поселок, считал именно себя достойным претендентом. Поселения Сибирей-

ской тайги не остались в стороне и, набравшись наглости, прислали заявки с предложением встретить высоких гостей в комфортабельных бараках и со свежеврытыми нужниками.

В итоге Совет вождей посоветовался и пошел проторенной дорожкой, которая не раз выручала русианскую власть в ту-пиковых ситуациях.

В Главном зале заседаний, который по совместительству был и самым крупным казино страны, висело огромное «Колесо фортуны». Цифры на нем залепили бумажками с названиями городов-претендентов. Раскрутили колесо посильнее и стали ждать, не забыв предварительно сделать ставки. В итоге стрелка указала на город, в котором проживал ваш покорный слуга, Мария и еще много других, куда менее приятных личностей. Особенно радовались те, у кого сыграли ставки: и вопрос решили, и подзаработать удалось.

За месяц до начала все рекламно-информационные носители в городе (от огромных баннеров до крошечных табличек в транспорте) были заклеены информацией о грядущем съезде. Кампания была столь масштабной, что выжала из городского бюджета все соки. Пришлось даже урезать финансирование хоспису и детскому дому.

– Зачем этим инвалидам деньги? Они их все равно проедят, а так хоть память останется, – объяснял журналистам глава города.

Мне было глубоко плевать на царившее вокруг безумие ровно до того момента, как в дверь позвонил курьер секрет-

ной службы. Он торжественно вручил официальное приглашение на мероприятие и даже поцеловал руку:

– Это дань любви и уважения от организаторов съезда. Велено Вам передать! —пояснил он свой эротический жест, отдал честь, и был таков.

Как видите, в жизни потомков великих вождей тоже присутствовала принудилка и ряд обязанностей, одна из которых заключалась в посещении помпезных мероприятий, которые власти Руси проводили в огромном количестве.

– Ни бойсь, – успокаивала Мария. – Никот тебя тама не покусат. Наоборот накормит и напоит. Скажешь пара фраза про деда и великую Русию и дел в конец.

Выпить и закусить, тем более на халяву, я никогда не отказывался. А вот публичное выступление сильно смущало. Боялся не сдержаться и снова врезать правду-матку. Но выхода не было: назвался груздем – значит, рано или поздно пойдешь на закуску.

Две недели абсолютной трезвости и психологической подготовки, и вот я уже с важным видом восседаю в первом ряду, среди почетных участников съезда со всех уголков Русиянского царства-государства. Молодые, старые, лысые, лохматые, бородачи и стильные усатики, богатыри и кривоногие лилипуты – кого здесь только не было. Наблюдая за ними, я отметил одну особенность: чем ближе к столице проживали делегаты, тем чудовищнее была их тарабарщина. И наоборот, обитатели районов, прилегающих к Сибирейской

тайге, общались на довольно-таки сносном русском языке. Некоторые вообще говорили почти без ошибок.

Повестка съезда включала всего два пункта: «Кто виноват?» и «Что делать?». На обсуждение этих важных вопросов были отведены три дня, по дню на каждый вопрос и третий на торжественное закрытие съезда, читай: «пьянку Вселенского масштаба».

Из всей церемонии открытия и лобзания русиянских функционеров в лучших брежневских традициях на меня произвела впечатление только казнь преступников, у которых была выявлена степень социального отклонения первого порядка. Специально для этого на сцене установили виселицу на десятерых. На шею бедолагам накинута веревка и после краткого оглашения злодеяний дернули за рычаг. Открылись люки в полу, и в тишине зала раздался противный хруст сломанных шейных позвонков.

Делегаты охнули, замерли, но через мгновение радостно завопили и зааплодировали.

– Брва! Брва! Так их, сук поганых. Доставать трупа и снова, снова вешай, а потом стрелята! – орали еще минуту назад спокойные представители русиянской общественности.

– Ну вот, с первым вопросом повестки разобрались! – призывая зал к тишине, возгласил старейший депутат Руси Вольдемар Русинберг, избранный председатель съезда.

– Как это разобрались? Всего десятерых казнили. Не мо-

жет такого быть, чтобы на Руси несогласных с властью так мало было! – заорал какой-то бородатый мужлан, но тут же осекся, осознав, что сморозил чушь.

– Успокойтесь, – задрезжал председатель. – Управление нравственных устоев работает не покладая рук. Кого не казнили сегодня, ужокошим завтра, дайте срок. От карающего меча правосудия, завещанного нам великими немецкими освободителями, никто не скроется.

– Правильно, нече время терять. Хватит уже на сегодня, обед скоро, – заволновалась депутатская братия.

– Уважаемые делегаты, приглашаю всех в мраморный зал отметить начало нашего столь важного и нужного стране съезда. Ведь не будь нас, и простым русиянцам жилось бы гораздо тяжелее. Кто подскажет, кто научит, кто вразумит? – чавкал зубными протезами засыпающий Русинберг.

– Вы абсолютно правы, – пришли на помощь старцу молодые соратники, подперев с двух сторон, чтобы ветеран не свалился со стула.

– Наш народ нуждается в неусыпной опеке, и мы не имеем никакого морального права бросить его на произвол судьбы. Поможем всем и каждому, даже если они сами этого не хотят.

– Не хотят, потому что не понимают! – заорал маленький рыжий мужичок в огромных очках с толстыми линзами (я его сразу окрестил Черепахой). – Темный у нас народ, темный! Сколько веков прошло, а поганый русский дух никак

не выветрится. Не головой они думают, а жопой. От этого все беды народные!

– Ну ты и загнул! – обомлели в президиуме. – Предлагаешь нам с ихними жопами поработать? – съязвил кто-то.

– Можно и так. Только аккуратно, дабы не скатиться в содомию, – просиял рыжий. – В профилактических, так сказать, целях. Готов возглавить орган рабочих.

– Кто про что, а вшивый про баню. Держи свой орган в штанах! – осадили Черепуху.

После недолгих пререканий и взаимного бомбардирования фразами: «Да я родину любить начал, еще когда ты под стол пешком ходил», «Чтоб тебя, суку, избиратели на швабру насадили», «Не раскачивайте лодку, а то страна блевать начнет» довольные безнаказанным острословием депутаты устремились на банкет.

Пили и ели до самого утра. За это время я успел два раза отключиться и подремать на удобном диване. Присутствующие знали, кто перед ними, поэтому обращались со мной как с главным сокровищем съезда. Принесли подушку, заботливо укрыли пледом, а у изголовья поставили тазик – на случай если меня стошнит.

Когда проснулся, вокруг мало что изменилось. Обед и ужин плавно перетекли в завтрак. Я искренне позавидовал богатырскому здоровью народных избранников. Они, как ни в чем не бывало, чинно сидели за столиками, пили чай, кофе с коньяком и закусывали блинами с красной и черной икрой.

Я невольно прислушался к разговору за ближайшим ко мне столиком. Долговязый мужик с усами «а ля Сальвадор Дали» в косоворотке и тренировочных штанах дискутировал с симпатичной женщиной лет тридцати. Прическа ее напоминала гнездо гигантской птицы. Но соседа это не волновало. Во время разговора он никак не могут «вынуть глаза» из глубокого декольте депутатши, из которого прямо-таки выпрыгивали спелые груди.

– Вы, милочка, в нашем деле человек новый, во многом еще неопытная, – сглатывал слюну мужчина. – В ваших интересах обрести сильных, надежных соратников и сблизиться с ними, – поучал усач, склоняясь к вожделенным «дынькам».

Даме это явно льстило, но и цену себе она хорошо знала, поэтому лишь сдержанно улыбалась, кивая головой. Было заметно, что на мероприятиях подобного уровня она впервые и очень хочет обрести влиятельных друзей, дабы продвинуться по карьерной лестнице. Зайдя минут через тридцать в уборную, я увидел, как сильно штормит тонкие пластиковые перегородки одной из кабинок. «Сальвадор Дали» был пылким любовником. Разломал унитаз, оборвал держатель для туалетной бумаги, но чести мужской не посрамил. И надежд дамы не обманул, познакомив после «собеседования» с нужными людьми. Стоит ли говорить, что к концу съезда кабинку они доломали окончательно.

Второй день начался с выступления иностранного гостя.

Откуда он прибыл, я прослушал, но по виду это был типичный африканец. Присутствующие называли его «высокопоставленным негром» и шутили, предлагая угостить бананами, а вместо трибуны принести пальму.

– Уважай участня съезд! Мы радывы прихать в великую Русий и выступай перед тобой! – начал он свою пламенную речь. – Вожди мой стран радават дружб с ваша державна. Вы нам силна помагай, и верю, что будь помагай еще больше.

– Куда уж больше, рожи черномазые! Почти весь урожай пшеницы вам отправляем. Пол-Африки себе на шею посадили, – раздались недовольные возгласы из зала.

– Спасибо, спасибо, пшено это гуд, – поклонился делегат. – Но не забывай, больш белый брата, что мы бороть за ваши идеалы, остаивай глас Руси на всей африканской земля. Если вы не будете кормий наша, мы не станем защищай ваша.

– Вот суки, пользуются тем, что мы сейчас слабы, и выкручивают руки, – процедил сквозь зубы мой сосед. – Поговорил бы он так лет тридцать тому назад, рожа немытая.

– А что было тридцать лет тому назад? – поинтересовался я.

– В те годы нам удалось посадить на трон большинства африканских государств своих людей. Бабки на это были истрачены сумасшедшие, но игра стоила свеч. Негры вели себя как шелковые, пикнуть не могли без нашего согласия. Золото и драгоценные камни текли в Русию рекой. А с несогласными разговор был короткий – их сжирали собственные во-

жди.

– То есть как сжирали? – не понял я.

– Очень просто, с гарниром и под хорошее вино. Мы и вождей-то отбирали всего по двум признакам – чем кровожаднее и маниакальнее, тем лучше. Но западные враги раскусили наш замысел и стали снабжать местных оппозиционеров ядами. Их надо было принять, когда становилось понятно, что арест, пытки и мучительная смерть в животе у лидера страны неизбежны. В итоге почти все наши ставленники обосрались до смерти, в прямом и переносном смысле. А с их смертью сошла на нет и африканская миссия. И теперь руссиянцы вынуждены принимать у себя в гостях вот таких клоунов, на которых даже пули жалко.

Тем временем выступающий от мелкого шантажа перешел к прямым угрозам:

– Послушать меня, бледнолиц братья! Мой вождя прислали меня сюда сказать вама, что нама нужн больш зерен, больш мяса, больш оружий, пафа, паф.

– Не лопните, трубочисты? И так на вас половина промышленности Руси работает, – снова стал закипать зал.

– Тише, тише, коллеги! – обратился к делегатам умудренный сединами Русинберг. – Мы с вами собрались, чтобы обсуждать, а не ссориться и обзывать друг друга. Наш черномазый друг четко обрисовал позицию руководства. Давайте же и мы будем вести себя цивилизованно и выдвинем свои требования.

– Правильно! – заорали делегаты. – Золота, золота вези, алмазов, урана подавай, обезьяна дерзкая. Какао-бобов от вас уже три года не видели, конфеты из опилок и сахара лепим!

– У вас есть что ответить? – обратился председатель к африканцу.

– Золот сейчас нета, алмазы нета тоже, – стал оправдываться тот.

– Как это нет? У меня вот тут справочка соответствующая имеется, – вынул Русинбург из пачки бумаг документ на трех листах. – И в ней черным по белому написано, что вы, суки продажные, уже семь лет как гоните все самое ценное на Запад в обход русиянских друзей, то бишь нас.

– Эта не савсема така, не семь, а всего пять. И кое-чего вама тоже перепадать.

– Уже легче, негрила неотесанный! Целых пять лет водите нас за нос, а сами еще требуете увеличения поставок? Значит, как жрать нечего, так это, Русия-матушка, бесплатно помощи! А как деньги тратить, так это только на западные шмотки?

– Но тама лучш, лучш и одежда и технк и машин. Русиянский машин совсем никудышн, гавно полный, – попытался объяснить африканец.

– Сам ты гавно! – повскакали с мест разъяренные делегаты. – Хватит слушать эту макаку, давайте его одиннадцатым в петлю!

Сказано сделано. Беднягу иностранца схватили и потащили к виселице под всеобщее гиканье. Рычаг, люк, хруст...

– Вот теперь с первым вопросом точно разобрались! – заключил председатель и объявил перерыв на обед.

В этот раз, вопреки моим ожиданиям, трапеза продлилась не более часа, после чего мы вернулись в зал. Все-таки вопрос «Что делать» требовал куда более тщательного обсуждения и проработки, нежели поиски виноватых.

После перерыва мне впервые удалось прочувствовать, что я действительно нахожусь на съезде амбициозных политиков, готовых с пеной у рта отстаивать свою точку зрения:

– А как же наша Отчизна, как же долг Родине? Вы предлагаете навсегда забыть эти святые понятия? – взвился явно перекормленный юнец, представитель партии Зеленых ревнителей природы. Так негативно он отреагировал на предложение коллеги ослабить железную хватку государства на шею простого народа и снизить налоги. Выступающим был Иванг Королевинг – представитель партии «Доля народа»

– Долг родине? Как часто я слышу это грозное заклятие, – вздохнул Королевинг. – У меня даже сложилось впечатление, что наши женщины не сами рожают детей, а берут их в банке в кредит под драконовский процент. И потом, до достижения ребенком восемнадцати лет, исправно выплачивают родотеку (родовую ипотеку). А уж с восемнадцати, будьте любезны, обязательства по кредиту переходят на нового взрослого гражданина. Так понятие «долг родине» обретает

вполне себе осязаемые черты.

– Смешной ты, – раздалось из зала.

– О, погодите, это только разминка. Дальше будет гораздо смешнее. Люди так сильно привыкают постоянно отдавать долги родине, что это становится для них обязательным атрибутом жизни, как воздух, вода и пища. И продолжают «отдавать», даже когда этого уже не требуется, полагая, что только так можно оставаться достойным членом общества, а не паразитом на теле страны.

Возьмите, к примеру, наших пенсионеров. От них уже никто ничего не требует. Живи спокойно, трать пенсию, пусть и небольшую, сажай огород и нянчись с внуками. Нет же, на выборах они первые, в магазинах еще до открытия образуют давку, в транспорте грозят сломать тебе ногу своими тележками.

– Позвольте с вами поспорить! – вскочил со своего места высокий мужчина. Он был настолько худой, что даже приталенный пиджак и явно зауженные брюки болтались на нем. – Не берусь судить за весь мир, но что касается России, здесь все очевидно. Именно мизерные пенсии не дают большинству пожилых людей наслаждаться отдыхом на берегу моря с бокалом вина. Отсюда – вынужденные битвы за скидки и мотыляния на край света за дешевыми продуктами.

– Для гражданина, воспитанного в парадигме «Где родился, там и должен», размер пенсии не важен, – отмахнулся от дистрофика оратор. – Я лично знаю множество зажиточных

стариков с солидным пенсионным обеспечением. Но это не спасает наше общество от их присутствия всегда и везде – путаются под ногами, не желая давать дорогу молодым.

– Мы не понимаем вас, Иванг, – проснулся президиум. – Вы за народ или против? Будем требовать от русиян отдавать долги родине или нет?

– Я веду речь не об этом, господин председатель. Никто не спорит, что ответственность перед Родиной – наша главная обязанность. Я лишь прошу немного ослабить удила и снизить налоги, хотя бы на принудительный труд. Сейчас непростое для страны время: содомиты давят с разных сторон, мракобесы с оружием наперевес лезут из всех щелей. Бюджет вынужден ужиматься и перенаправлять и без того скудные средства на оборону Руси внутри и за ее пределами.

– А что, разве принудительный труд тоже облагается налогами? – поинтересовался я у соседа, который оказался весьма словоохотливым малым. Казимир Трусовген был представителем партии «Русиянцы против тупого Запада».

– А как же! Пусть нарушители закона знают, что легкой жизни им не видать даже в Сибирейской тайге.

– Но там и так жизнь не слаще лимона, – возразил я, опираясь на собственный опыт.

– Без разницы! Из социально отклоненных мразей необходимо выдавить все до последней капли. Даже загибаясь и подыхая на лесоповале, они способны приносить пользу го-

сударству. Сама их смерть должна стать прибыльной для России. Пусть знают, что хоть их и создал Бог, но право на жизнь дали именно мы – русиянские властители. И за это право надо платить каждый час до последнего вздоха.

– Спасибо за выступление, господин Королевинг, – оборвал председатель.

– Но никакой речи о снижении налогов идти не может. Мы собрались, чтобы обсудить, что делать дальше, а не как развалить великую Русию, вводя поблажки и опускаясь до уровня дебильных западных политиков с их тошнотворной толерантностью.

После выступления представителя партии «Доля народа» зал еще долго гудел. Делегаты не стеснялись в выражениях, поливая оппонентов словесными помоями. Наконец председателю это надоело и он нажал кнопку под ручкой кресла. Раздались оглушительные фанфары, и присутствующие опешили, сбитые с толку председателем-диджеем. Дожидаясь порядка, тот еще немного покуражился, то прибавляя, то уменьшая громкость.

– А теперь разрешите представить почетного гостя нашего съезда Алексиса Петцева! Ни для кого не секрет, что он единственный из оставшихся в живых потомков наших Великих вождей по мужской линии. Его венценосный дедушка Дмитрий Петцев вел страну по пути процветания много лет. И продолжил бы свое великое дело, если бы не та страшная путина, которая вырвала штурвал из его рук и переверну-

ла галеру во время очередного отката волн на озере Байкал. Земля ему пухом и рай в виноградниках.

– Похоже, это у нас семейное – выпадать за борт в синее море, – отшутился я, сконфуженный тем, что придется выступать на очередном сборище моральных уродов.

Тем не менее, набрался смелости и под оглушительные аплодисменты вскарабкался на трибуну. Насладился моментом раболепия, застывшего в сияющих глазах делегатов, прокашлялся в микрофон и начал:

– Уважаемые делегаты, сегодня мы с вами обсуждаем, пожалуй, главный вопрос, который мучает лучшие умы государства многие века – «Что делать».

Один забавный старикашка, с которым меня свела судьба при весьма странных обстоятельствах, пытался убедить в том, что жизнь – это не шахматы, а карты. И надо быть отбитым на голову игроманом, чтобы тебе по-настоящему свезло в карьере, бизнесе и других делах. Я не очень-то ему поверил, хотя признаюсь: случайное и не объяснимое никакой логикой встречалось в моей жизни довольно часто. Делаю скидку на то, что это я такой невнимательный разгильдяй. Все может быть.

Может быть, даже у Руси, действительно, свой, особый путь развития. И не нужны нам никакие советчики и эксперты из западных стран. Однако вся наша история показывает, что сами мы почему-то не способны трезво оценить ситуацию и пойти по пути наименьшего сопротивления. Пророков

в своем отечестве у нас не просто не слушают, а уничтожают всеми доступными способами – от изоляции в психушках до публичного забивания дубинками.

– Согласен! – истошно заорал кто-то со средних рядов. – Я уже много лет бьюсь, чтобы в школьных туалетах разрешили курить и пить водку. Ее полезность в борьбе со стрессом не раз доказали ученые. А меня не хотят слушать. Не любят у нас пророков, господин Петцев, правы вы, на сто процентов правы!

– Заткнитесь, Запойманн! – оборвал его председатель. – Не забывай, гнида, что ты школьный учитель, а не грузчик на вокзале. И здесь ты лишь потому, что у директора школы, который должен был приехать на съезд, приключилась белая горячка. Достал уже всех своими алкогольными доносами. Секретарь, отметьте в протоколе, чтобы Запойманну за обедом больше не наливали.

– Пропаганда работает хорошо только когда слова не расходятся с делами, – продолжал я. – Сказали «Убьем», значит убили, а не плюнули в спину. Велели всем затянуть пояса, значит, будьте любезны, сами, суки, свои пояски первыми и натяните. Кругом враги? Не вопрос! Значит, дальше Русии носа не кажем, никто – ни бедный, ни богатый. Когда врагов победим, тогда и поедем жопы греть на лазурные берега и в «гарвардах» детей обучать. Но не раньше!

Научитесь не врать хотя бы самим себе. Иначе все ваши заклинания не более чем пустобрехство. Посмотрите на

русиянских лидеров общественного мнения. Складывается впечатление, что наша пропаганда пытается убедить в правоте не нас, а саму себя. Потому что именно сама себе, в первую очередь, и не верит.

Теперь хотелось бы пару слов адресовать нынешним русиянским вождям: надеюсь, они меня слышат.

Не обретя верной свиты, вы никогда не станете королем. Но верностью дело не ограничивается. Верные идиоты смогут привести любого вождя только в тупик. И уверяю вас, сделают это самым верным путем и под выверенные лозунги. Ведь слепая верность никогда не увидит перед собой пропасти. Пока вас окружают одни пресмыкающиеся лизуны с лопатовидными языками – ничего, кроме мокрой сверкающей задницы вы не добьетесь. Не бойтесь гордых, но опасайтесь гордыни!

Вы все время твердите: «Не давайте повода для радости врагу ближнему и дальнему и почаще напоминайте ему о величии и безграничности Русиянского мира». Я же вам предложу: дарите радость всем и каждому, тогда мир станет для вас безграничным!

Вы «строите» людей ради блага страны. А надобно наоборот – строить страну ради блага людей в ней живущих!

Вдруг в тишине оцепеневшего от моих крамольных слов зала раздался почти беззвучный хлопок. Последовавший за ним сильнейший толчок и острая боль в груди заставили меня замолчать. Падая на спину, сквозь кровавую пелену со-

знания я успел заметить, как с ложи для почетных гостей, расположенной под самым потолком, в меня целится длинное дуло снайперской винтовки, обмотанное маскировочными тряпками. Пока второй выстрел окончательно не разорвал грудную клетку, я ухмыльнулся в последний раз – рука настоятеля храма «Во имя убивающих врагов наших и чего-то там еще...» не знала пощады и не была скована сомнениями.

Мне приснился отец. Он умер несколько лет тому назад, но наша ментальная связь не прервалась. Честно говоря, я верю в бессмертие души и отвергаю сам факт «выключенного телевизора» после физической смерти. Поэтому к кладбищам и мертвецам отношусь без страха, но с уважением.

Был прекрасный солнечный денек спокойного лета. Папа сидел на невысокой деревянной бочке. Штаны его были закатаны до колен, а голые стопы наслаждались животворящими лучами. Он смотрел на меня, улыбался и молчал. Вокруг него суетилась неизвестная мне молодая девица со смешной тонкой косичкой, похожей на крысиный хвост.

– Почему вы меня не слушаете? Я – Правда, я знаю, как должно быть. И не надо со мной спорить.

– Все-таки решили строить? – спросил меня отец тихим голосом, не обращая внимания на истеричный вихрь вокруг.

– Да, – ответил я. – Там уже не так много осталось. За пару недель должны справиться.

– Не торопись, сынок. Жизнь не обгонишь, только ноги сотрешь.

– Димка, проснись! – больно щипали меня тонкие пальцы. – Проснись же, говорю тебе! Ты чего нас в канаву завез?

Я с трудом открыл глаза и попытался собраться с мыслями, чего, конечно же, мне сделать не дали. Мария, Леха, Лариса и даже всегда спокойный Максим громко возмущались, так активно жестикулируя при этом, что тесный салон автомобиля был готов развалиться на атомы.

Что же, спорить бесполезно: мы, реально, чуть не убились, и оправданий для себя я не искал. Молча вышел из машины, вылез из неглубокой придорожной канавы и минут через десять поймал грузовик. Его водитель за бутылку виски вытащил нас из западни и даже помог поменять переднее колесо, крышка которого взорвалась при падении.

Через час с небольшим, придя в себя, мы продолжили путешествие. Надо ли говорить, что после такой встряски мои пассажиры напрочь забыли про сухой закон и принялись опустошать запасы спиртного, не дожидаясь моря, пляжа и загорелых отдыхающих. А я без усталости жал на газ, убегая от места аварии и своих воспоминаний о несчастной Руси, в которой победил фашизм.